

В.О.Сташис. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Диалектика общественного развития с трудом поддается описанию при помощи привычного для науки формализованного языка. Сложность социальной реальности не редуцируется до краткого перечня формул, которые бы исключали возможность многозначной трактовки выводимых значений. Объективная оценка нелинейных и динамичных социальных процессов осложняется уже тем фактором, что эти процессы зачастую имеют иррациональный характер. Связано это с тем, что субъекты в процессе взаимодействия могут руководствоваться не строгой наукой логики, а опираться на собственные верования, убеждения и предрассудки.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис обратимся к историческому примеру. Как нам известно, римский закон не оставлял без внимания ритуально-магические действия, что, как указывает доктор исторических наук Т. Кудрявцева, носило не спорадический характер, а прослеживается «начиная от первого кодекса – законов XII таблиц – и вплоть до Поздней империи» [1, с. 41]. Из этого следует, что магия была важным элементом в системе римского мировоззрения. Игнорирование этого обстоятельства при анализе истории Древнего Рима ведет нас к довольно грубому упрощению действительной картины социальной реальности в период античности. Но если учесть тот факт, что наши знания об этой исторической эпохе не могут претендовать на всеохватывающий характер (ведь они изначально ограничены количеством и качеством дошедших до наших дней источников), то определенная схематизация представлений оказывается не только неизбежной, но и необходимой. Попытка реконструкции мистического компонента в картине мира античного человека без опоры на исторические документы может привести исследователя к практике в художественном творчестве.

В условиях четвертой промышленной революции сложно представить магию в качестве предмета для серьезных дискуссий в пространстве юридической науки. Утверждение, что подобное невозможно в связи с более рационалистичным характером современной цивилизации будет очевидным выводом прогрессиста. Выводом спорным, так как в рамках обыденного мировоззрения современного человека может найтись место как магии, так и хиромантии, астрологии, теории заговоров et cetera. Хотя культурная и общественно-экономическая ситуация со времен античности успела претерпеть существенные трансформации, говорить о том, что актуальное нам общество потребления стремится к методологической рационализации окружающей реальности будет излишне смелым допущением. Примерная

оценка рынка «Psychic Services» (бизнесов, включающих ряд программ (электронных приложений), услуг по толкованию будущего и «психологической» помощи: чтению ауры, гаданию на картах таро и т.д.) в США на 2019 г. была представлена суммой более чем в 2 млрд. долларов [2]. Подобные цифры способны пошатнуть веру в саму идею прогресса, и здесь уместно вспомнить, что в конце прошлого века польский социолог П. Штомпка, указывая на рост иррациональных тенденций в общественном сознании жителей различных стран, писал следующее: «В результате всех этих исторических и интеллектуальных перипетий концепция прогресса была заменена концепцией кризиса – лейтмотив XX столетия» [3, с. 58]. Мы воздержимся от подобных обобщений и попробуем указать на иррациональность как на неудобный для исследователя, но неотъемлемый аспект общественных представлений формирующего социального поля.

Для лучшего понимания концепции социальной реальности обратимся к дефиниции австрийского социолога А. Шюца: «Под понятием "социальная реальность" я склонен понимать тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий» [4, с. 55]. Человек рождается внутри социальной реальности, но постигает ее законы и находит с ней общий язык в процессе интериоризации. Из этого не следует, что сама социальная реальность есть что-то перманентное, раз и навсегда данное. Напротив, она постоянно находится в процессе пересборки, что является следствием ее коммуникативной природы. Меняются формы и язык коммуникации – меняется восприятие мира, меняется взаимодействие с миром, а вследствие этого меняется и сам мир. Подобного рода изменения мы можем проследить на примере перехода от «Галактики Гутенберга» к «Галактике Маклюэна». Но если переместить внимание с анализа общественного макрокосмоса на микрокосм, то обнаружится еще одна важная характеристика социальной реальности – ее дискретность.

Внутри сложноупорядоченной материи социальной реальности ключевым местом деятельности субъекта остается мир повседневной действительности. А. Шюц подчеркивает, что знание человека функционирующего в процессе своей повседневной жизни не гомогенно: «Оно (1) несвязно, (2) обладает лишь частичной ясностью и (3) вообще не свободно от противоречий» [4, с. 536]. Многие в культуре принимаются субъектом как должное, без рефлексии, примером чего могут послужить денежные знаки – повсеместно используемый в быту объект, сам принцип функционирования которого не всегда понятен обывателю. Эта градация в уровнях понимания различных процессов, которая заметна при внимательном изучении отдельных субъектов социальной реальности, и обосновывает дискретность ее структуры – невозможность интерпретации тех или иных социальных действий ведет к семантическому разрыву в коммуникации.

Для устранения этой проблемы социумом выработан механизм доверия. Передача культуры на основании взаимного доверия позволяет упростить и ускорить коммуникацию внутри социума, но подобная модель культурной преемственности также оставляет возможность нерелексивного принятия различных лженаучных и просто сомнительных догм. Здесь стоит заметить, что социальный мир несводим к исключительно научным категориям, в нем присутствует также религия, искусство, мораль и пр. Решение проблем, неизбежно возникающих в процессе коммуникации между различными акторами, путем проявления доверия – это конструктивный механизм сохранения сплоченности весьма гетерогенного поля социальной реальности. И, что важно иметь в виду исследователю, структура доверия не сводима к одним только рациональным аспектам мышления – в ней присутствует также эмоциональный компонент.

Таким образом, социальная философия должна избегать строгого позитивизма в процессе анализа общественных отношений, результатом чего может стать лишь грубое обобщение эмпирических материалов собранных другими науками. Научные данные важны, но – помимо этого – необходимо также учитывать культурное пространство повседневности, а также особенности обыденного мировоззрения самих социальных субъектов, которое не редуцируемо к «научной» картине мира, ибо включает «ненаучные» представления о добре и зле, красоте и уродстве, правде и обмане. А уникальность текущей научно-технической ситуации как раз заключается в том, что индивидуальные обыденные представления постоянно фиксируются в виде цифровых объектов внутри виртуального пространства. Это позволяет современным исследователям узнать мнение группы, в предыдущие эпохи характеризующейся в качестве «молчаливого большинства».

Метафорически выражаясь, попытка выстроить картину социальной реальности на основании строго научного анализа ведет к проблемам, схожим с теми, что возникают из-за необходимости переместить Землю в двухмерное пространство при построении географических карт. Получаемое изображение оказывается в той или иной степени искаженным. Однако анализ повседневной активности внутри сети Интернет, а также деятельности различных интернет-знаменитостей, несет в себе эвристический потенциал по расширению понимания не только динамических изменений внутри общества, но также и его метафизических оснований. Это может позволить исследователям существенно продвинуться при заполнении «белых пятен» на существующей карте социальной реальности.

Список источников

1. Кудрявцева, Т. В. Магические практики в законах XII таблиц // Вестник древней истории. – 2014. – №. 4. – С. 40–55.